

Евгений Брейдо

К дискуссии об имперскости в русской литературе

(ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_285

Прежде всего хочу поблагодарить Елену Фанайлову за отзыв и дополнения к моему разбору стихов И. Бродского¹. Ее комментарий о политической истории XX века верен и точен. Да, конечно, эти стихи — предостережение, о чем я, собственно, и пишу в конце статьи, и «Боснийский мотив», который она вводит в дискурс «Стихов на независимость Украины», превосходно объясняет, почему это именно предостережение. Увы, как обычно, оно не пошло впрок.

Отчего Валерий Шубинский считает, что на мои выводы влияет желание «реабилитировать Бродского», не знаю, аргументов он не приводит. В «реабилитации» ни данный текст, ни сам поэт, действительно, не нуждаются. Но именно в силу того, что дискуссия об этом стихотворении ведется исключительно с обвинительным уклоном, причем очень бойко, я посчитал, что необходимо не политический и даже не критический, а именно филологический анализ текста. Подождав некоторое время и убедившись, что никто из филологов не торопится выступить с таким анализом, я решил предложить его публике. Причем в конце специально подчеркнул, что моя задача сугубо литературоведческая и ни осуждать, ни оправдывать ИБ я не собираюсь.

Спасибо Михаилу Немцеву за ясную формулировку проблем, связанных с рассматриваемым текстом, и за добрые слова.

Варвара Недеогло, кажется, принимает жанр за собственно содержание. Видимо, сам прием филологического разбора текста кажется ей апологией автора, как и Шубинскому, — это ложная посылка, оценка вообще не входит в задачи разбора, его цель — только формальный анализ содержания, который не может и не должен выходить за пределы себя самого. Но мне тут особенно нечего комментировать, кроме того пассажа, где В. Недеогло пишет, что наличие в тексте многих голосов ей вполне ясно и без моего анализа. Мне тоже кажется, что человеку с хорошим поэтическим слухом многоголосие в этом тексте должно быть очевидно сразу, однако есть литературные критики, которые его не слышат. Постараюсь ответить этим людям.

Замечания господ Завьялова и Кузьмина очень похожи стилистически: оба выдержаны в снобистско-презрительной и задорно-хамской манере, причем содержательно одинаково беспомощны: ни тот, ни другой вообще не касаются

1 См. тематический блок «Иосиф Бродский и имперский текст в русской поэзии» в 183-м номере «Нового литературного обозрения», отгалицивающийся от комментария Е. Брейдо к стихотворению И. Бродского «На независимость Украины».

собственно анализа текста, а просто стараются как-то задеть и унижить автора — прицепиться к какой-нибудь мелочи, к которой, как им кажется, можно прицепиться безнаказанно. Парадокс здесь в том, что этот прием в принципе не работает. Если цель — разгромить противника (а именно она заявлена де-факто), то достичь ее можно, только детально и корректно разобрав предлагаемую концепцию. А используемый в данном случае прием оскорбления существует только для того, чтобы на чисто эмоциональном уровне продемонстрировать собственное превосходство, — он хорош перед дракой, однако в нашей ситуации уводит оппонента в противоположную сторону от заявленной цели. Что-то одно: или ты разбираешь текст, или не готов даже снизить до автора. Я подробно разбираю предлагаемый мне дискурс исключительно потому, что это, к сожалению, не единичная практика, и поскольку она реально мешает любой дискуссии, уводя разговор из содержательной области в область чисто эмоциональную, мне кажется весьма разумным наложить на нее запрет. Запрет в данном случае не цензурный, а этический.

Перейдем, однако, к содержанию, и начнем с г-на Завьялова. Он не согласен с моим замечанием о том, что Ленин вместе со Сталиным, который служил наркомнацем, определяли границы советских республик, в частности Украины. Пишет следующее: *«Представления автора об истории СССР далеки от академических стандартов: границы СССР 1922 года были примерно на 900 тыс. кв. км уже границ СССР 1945—1991 годов (это больше, чем Франция и Великобритания вместе взятые)»* (с. 243) и т.д. Что ж, я рад глубине знаний оппонента в области политической географии покойного СССР. Традиционно хочется еще добавить статистику по выплавке чугуна и стали в сравнении с 1913 годом. Эти сведения имеют примерно одинаковое отношение к делу. Я говорю о том, что Ленин был одним из двух главных создателей СССР (второй — Сталин), а то, что границы Союза и состав республик впоследствии менялись, здесь вообще ни при чем и никак этому факту не противоречат. Остается только отмести это возражение как бессмысленное. Однако пойдем дальше.

Следующая цитата: *«Метрические представления автора вступают в конфликт с общепринятыми. В таких случаях предполагается, что выдвинувший новую концепцию ее пояснит. Действительно, речь идет об оригинальной стиховедческой теории, отвергающей привычные взгляды. Однако четырех статей, затерянных в ведомственных журналах, недостаточно, чтобы, не приводя мнений оппонентов², говорить: “это верно / это неверно”»* (там же).

Поясняю. Оригинальная стиховедческая теория, названная интервальной моделью русской метрики, действительно существует. Однако в конфликт с общепринятыми метрическими представлениями она отнюдь не вступает. Она просто вносит внутреннюю логику в существующую эмпирическую классификацию стихотворных форм, что позволяет в некоторых случаях уточнить их определения, но главным образом нужна для того, чтобы открывать новые стихотворные формы. Одна из них, названная «строгой тоникой», была открыта с помощью этой теории. В противоречия же с традиционной метрикой,

2 Оппоненты, к слову сказать, как раз были — на защите диссертации, и помянутый Завьяловым на той же странице Ю. Орлицкий — один из них. Это было давно, но правда. Так же оппоненты бывают при публикации каждой статьи — они называются рецензентами.

как мы увидим в дальнейшем, вступают как раз взгляды, вернее, метрическая неграмотность г-на Завьялова. Перед тем, как разобрать их, замечу, что под статьями, «затерянными в ведомственных журналах», имеются в виду статьи, опубликованные в академических журналах «Вопросы языкознания» и «Труды Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова». Научные статьи в научных журналах и публикуют, а я служу по ведомству филологической науки, о чем рад доложить оппоненту. Ссылаюсь я на три из них, четвертая, опубликованная в НЛО и касающаяся строфики Владимира Гандельсмана, к стиховедческой теории отношения не имеет. А сколько статей достаточно и для чего, судить точно не г-ну Завьялову. Что касается неловкости моего чуткого визави по поводу фразы о том, что греческие поэты пользовались каждый своей строфой, то три дошедших до нас строфы названы именами придумавших их великих лириков: Алкмана, Сапфо и Алкея, другие, как, например, Стесихор, изменяли и совершенствовали имеющиеся строфы, то есть тоже, по сути, делали их своими. И за кого тут должно быть неловко?

Однако перейдем к метрике. Завьялов полагает, что цитируемая мной поэма Парщикова написана восьмистопным анапестом. Во-первых, в традиционном стиховедении это размер небывалый. Обычно длина трехсложных размеров не превышает 5—6 стоп. Конечно, в экспериментальных стихах встречается всякое, но поэмы в несколько тысяч строк 8-стопным анапестом по-русски никто пока не написал. Если г-н Завьялов сподобится написать хотя бы 1000 строк этим размером, то нам, стиховедам, будет что изучать. Но в данном случае речь не о том. Поэма «Я жил на поле Полтавской битвы» вообще не написана анапестом. Оппонент говорит, что она написана анапестом с пропусками. Пропуски в трехсложных размерах очень редки (язык не позволяет), они встречаются в двухсложниках, в трехсложниках же часты сверхсхемные ударения на слабых местах. Но в нашем случае нет и этого. Возьмем строчку:

Отделяется он от рядов, сцепленных так, что ни тросов там нет, ни героев.

Первые три стопы, действительно, анапест: «Отделяется он от рядов» — 2.2.2. А вот дальше сразу идет ударение — на первом слоге в слове «сцепленных». Слог стоит на слабой позиции: стопа анапеста 2.³ — то есть два слабых слога и один сильный. А на сильную позицию в схеме приходится безударный слог. Так вот, к сведению г-на Завьялова, когда ударный слог в слове приходится на слабую долю, безударные слоги не могут приходиться на сильное место — это называется запретом переакцентуации. Запрет переакцентуации — базовое стиховедческое правило, оно нарушаться не может. И традиционные у тебя взгляды или нетрадиционные, значения не имеет. Этот размер не анапест. А что это за размер, можно прочесть в моей статье «Строгий тонический стих Алексея Парщикова». Почему размер, которым написано стихотворение Бродского, не является дольником, подробно разобрано у меня в примечании 4, с. 226. Не буду его повторять, чтобы не занимать место. Г-н Завьялов это замечание то ли не прочел, то ли не понял. Все это совершенно традиционное,

3 Стихovedы обычно обозначают сильные и слабые места в стихе цифрами и точками: цифра — количество слабых мест, а точка — сильное место, в отличие от школьных учебников, где они обозначаются дужками и тире. Просто так быстрее. Поэтому стопа анапеста выглядит как 2., а не привычные две дужки и тире $\sim\sim$.

обычное стиховедение. Просто когда о чем-то пишешь и особенно когда неудержимо хочешь продемонстрировать собственное превосходство, нужно хоть чуть-чуть, хоть самую малость знать матчасть. А то как-то уж совсем неудобно выходит. Как выражается г-н Завьялов, неловко.

Дальше он пишет: «*После таких интеллектуальных вольностей и главная мысль автора о полифонии текста не вызывает желания принимать ее всерьез*» (там же). С интеллектуальными вольностями разобрались. Продолжаю цитату: «*Этому мешает контекст творчества Бродского, для которого часто характерен агрессивный монолог, отвергающий все существующие конвенции, так, словно их сочинили нам назло “картавые”, “кровопийцы” и иные негативные, с точки зрения поэта, персонажи. В этом случае досталось поэту, проведенному в царских тюрьмах и ссылках 10 лет. За 25 лет до написания стихов “На независимость...” досталось Льву Толстому. Сходен его тон и в обращениях к частным лицам, в том числе женщинам. Ничего нового. Поэт верен себе*» (там же).

У меня вопрос: «А что это, если не агрессивный монолог, в котором автор обвиняет Бродского?» На языке психологии такой пассаж называется проекцией. Никакого разбора текста здесь нет, это мнение, которое оставляю за автором. С мнениями не спорю — каждый имеет право на свое.

Перейдем теперь к г-ну Кузьмину. Надо сказать, что если бы он просто внимательно прочел мой разбор, то вряд ли был бы способен сделать те замечания, которые сделал. Но он презрительно его отверг и поторопился дать свои ответы на поставленные мной вопросы. Что ж, послушаем.

Стихотворение начинается словами: «Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, / слава Богу, проиграно...» Я задаюсь вопросом, кто бы мог произнести эти слова. Вот ответ нашего оппонента: «*Разумеется, апострофический зачин стихотворения исходит от говорящего в нем субъекта и говорит не о Швеции, а о России: некогда выигранное русскими сражение теперь, на новом историческом повороте, переиграно заново и закончилось противоположным результатом*» (с. 252).

Думаю, что не только зачин стихотворения, а любой текст исходит от говорящего в нем субъекта или субъектов. С этим не поспоришь, вопрос только в том, кто этот субъект. Если с точки зрения субъекта провозглашение независимости Украины равно проигрышу Полтавской битвы (перевожу фразу оппонента на понятный мне язык), то этот субъект — русский имперец. Но такой человек ни в коем случае не скажет, что сражение, «слава Богу, проиграно». Для него это драма, если не трагедия. Предположить во фразе иронию невозможно, поскольку с имперской точки зрения в данном случае она абсолютно неуместна, да оппонент о ней и не говорит. То есть субъект совсем не тот, о котором говорит г-н Кузьмин. А что это за субъект, я как раз и объясняю. Наличие у Бродского шведских друзей, действительно, не так уж важно. Важно, кто может произнести данную фразу. Советую критику ознакомиться с этой частью разбора. Повторять не стану.

Дальше г-н Кузьмин сообщает о другой моей произвольной интерпретации (первой была только что разобранный): «*...упоминаемые в третьем стихе “руины” не имеют никакого отношения к Руине...⁴ <...> ...этот термин украинской историографии в русскую историографию фактически начал прони-*

4 Руина — серия гражданских войн в Украине, продолжавшихся с 1657 по 1687 год.

кать только в постсоветское время (за вычетом монографии Н.И. Костомарова 1882 года, при советской власти, естественно, не переиздававшейся...)» (там же). И продолжает: «Бродский мог знать о соответствующих исторических событиях, но не об этом их названии» (там же). В процитированном пассаже Бродский предстает таким советским доцентом, преподавателем истории. Г-н Кузьмин, видимо, забывает, что Бродский жил в Соединенных Штатах и работал на кафедрах славистики в разных университетах. Термин «Руина» впервые возникает в сочинении историка и летописца XVIII века Самойла Величко, им пользовались Н.И. Костомаров, М.С. Грушевский и другие историки. Что же могло помешать Бродскому прочесть о Руине в каком-нибудь из их сочинений на русском, украинском или в переводе на английский? К тому же вполне вероятно, что он слышал о ней в разговорах украинских славистов — их немало в американских университетах. Хотя г-н оппонент и полагает, что знакомые не имеют значения, в данном случае такая передача знаний вполне возможна. Должен констатировать, что этот аргумент г-на Кузьмина представляется вздорным. Дальше он говорит, что термин «Руина» не употребляется во множественном числе. Исторический термин, действительно, не употребляется, но в данном случае это поэтический пробор, клавиша в упоминательной клавиатуре Бродского, грамматическое число не важно, важно узнавание, и уж никак не случайно слово «руины» поставлено в рифму со словом «Украины». Чтобы точно не усомнились (естественно, те, кто слышат). Но есть и еще одно доказательство. Следующее четверостишие начинается так:

То не зелено-квитный, траченный изотопом,
— жовто-блакитный реет над Конотопом.

Под Конотопом состоялась одна из кровопролитных битв начала Руины. Представить себе, что поэт описывает событие и называет его, не зная названия, пожалуй, еще труднее, чем вообразить Бродского малограмотным советским историком, — грамотные-то сидели в спецхране, в архивах и многое знали, чего нашему критику неведомо. Кстати, совершенно не возражаю против значения рассматриваемого слова из хрестоматийной строчки «мы, оглядываясь, видим лишь руины». В поэтическом языке у слова много значений. Мандельштам писал в «Разговоре о Данте»: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»⁵. Эти слова определили развитие семантики поэтического языка, наверное, на целый век. Филологи все это прекрасно знают, но г-н Кузьмин, судя по всему, человек другой профессии.

Следующее возражение относится к фразе «нам, кацапам». Наш критик полагает, что Бродский отождествляется в ней с гражданской нацией, раз уж, будучи евреем, не может отождествиться с этносом. Интересно только с какой? С кацапской нацией? Предъявите хоть какое-нибудь доказательство, г-н оппонент. Это вообще-то называется «характерный персонаж», о чем и пишу. Тогда Крылов должен отождествляться со всеми персонажами своих басен, а Высоцкий и Галич — песен. Мандельштам и Пастернак тут ни при чем, а вот у Рубинштейна или Кенжеева бывает.

5 Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Слово и культура: Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 119.

Дальше г-н Кузьмин мне что-то сбрасывает с барского плеча, правда, чтобы тут же уличить меня в незнании украинского первоисточника. Нет уж, простите, никаких ваших параллелей я не вижу, мне чужого не надо, пользуйтесь сами. Голос человека, обманутого в любовном чувстве, первоисточников не имеет. Об этом половина мировой поэзии, а может, и больше: «Вот что ты, милый, сделал мне! / Мой милый, что тебе — я сделала?»⁶ Есть тут такой мотив, только без ваших накруток и не имеющих отношения к тексту вывертов. А стихотворение, кстати, именно имперское, только не потому, что Бродский — имперец, а потому, что он нам показывает империю и предостерегает от того, что может произойти. Еще раз спасибо Елене Фанайловой за указание на катализатор этого предостережения — «Боснийский мотив».

В заключение хочу поблагодарить НЛО за дискуссию. Думаю, что она была необходима. А итог подводить пока рано.

6 Цветаева М. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2011. С. 106.